

И. Ю. ВАЩЕВА

МЕНТАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ТЕОРИЯ ЧЕТЫРЕХ ЦАРСТВ В СОЧИНЕНИЯХ ХРИСТИАНСКИХ АВТОРОВ V–VII ВВ.

Статья посвящена проблемам интерпретации пространственных представлений в текстах христианских историков раннего Средневековья. Эти представления зачастую вызывают недоумение у современного читателя и объясняются отсутствием научного мышления. Однако в оптике ментальной географии многие такие «ошибки» или «странности» выглядят весьма привлекательными для исследователей. Обращаясь к практикам толкования библейской Книги Даниила и связанной с ними концепции четырех царств, автор статьи пытается выявить особенности осмысления данной теории в текстах Павла Орозия, Мовсеса Хоренаци и Себеоса, а также определить степень ее востребованности в трудах христианских авторов V–VII вв.

Ключевые слова: ментальная география, теория четырех царств, Сульпиций Север, Павел Орозий, Мовсес Хоренаци, Себеос, историческая мысль раннего средневековья

Идея *всемирной истории* кристаллизовалась в традиции историописания благодаря христианским авторам IV–VII вв., и ее разработка потребовала ввести в исторические нарративы новые ментальные схемы, позволившие ранжировать обширный фактографический материал в контексте принципиально новой интеллектуальной конструкции, каковой представало общемировое пространство. Одним из компонентов христианской мысли при этом оказывались концепции четырех царств и *translatio imperii*, связанные с толкованиями библейской Книги Даниила¹. Данная теория не была сформулирована исключительно христианскими историками, ее истоки фиксируются и в иудейской, и в греко-римской античной традиции². Тем не менее, идея четырех царств прочно закреп-

¹ Momigliano 1980; The Book of Daniel 1993; Delcor 1986; Swain 1940; Casey 1976; Podskalsky 1972.

² Истоки данной концепции неоднократно обсуждались в исторической литературе. Принято считать, что впервые о четырех монархиях (или царствах) упоминается в сочинении Эмилия Суры, фрагмент которого сохранился в «Римской истории» Веллея Патеркула (I.6.6). В дальнейшем идея четырех (или пяти) монархий будет представлена в сочинениях Дионисия Галикарнасского, Помпея Трога и других античных историков. Список империй включает Ассирийскую державу, Мидийскую, Персидскую, Македонскую. Наследницей их является Римская империя (а также Парфянское царство у Помпея Трога). Для библейской традиции гораздо более значимым является Вавилонское царство в качестве первой империи (см.: Delcor 1986). Другие авторы, принимая в целом саму идею, неоднократно пересматривали список четырех империй, включая в него Египет, греков, Эдом и т.д. (Flusser 1972). В конечном итоге ко II в. н.э. список 4 империй утвердился в более или менее фиксированном виде и выглядел как последовательность Ассиро-Вавилонского царства, Мидийского (точнее Мидо-персидского, поскольку его

пилаась в историописании Средневековья, прежде всего, благодаря «Хронике» Евсевия Кесарийского, который, систематизируя события прошлого, обратился к истории Ассирийского, Мидийского, Персидского, Македонского царств и, наконец, Римской империи.

Отметим, что перечень четырех наиболее значимых царств (подчас серьезно расходящийся с библейским источником), а равно и роль каждого из них в истории, виделись авторам раннего Средневековья по-разному. Если у самого Даниила история начинается с Вавилонского царства, а далее говорится о Мидийской, Персидской и Греко-македонской державах, то в «Хронике» Евсевия Кесарийского этих царств уже пять: на смену Вавилонскому приходит Ассирийское, отдельно рассмотрены Мидийское, Персидское, Македонское, а завершается перечень Римской империей (вместо греческого царства). Евсевий не являлся творцом новой теории и, вписывая Римскую империю в контекст мировой истории, лишь следовал за Иринеем Лионским³, Ипполитом Римским⁴ и Кириллом Александрийским⁵, чьи сочинения были весьма популярны во II–III вв., но именно текст Евсевия определил дальнейшее бытование концепции в историографической традиции: большинство позднейших авторов подразумевали под великими царствами Ассиро-Вавилонскую (за исключением «Истории» Сульпиция Севера, предпочитавшего говорить о царстве халдеев), Мидо-Персидскую, Македонскую (Греко-Македонскую), Римскую державы⁶.

Главный вектор осмысления теории последовательно сменявших друг друга великих царств, которая позволяла обосновать единство библейской и античной (греко-римской) истории и поместить образы прошлого в общий эсхатологический кадр, вряд ли сильно менялся. Но некоторые отличия в толкованиях ее христианскими историками, которые принадлежали к разным поколениям, культурным стратам и локальным сообществам, все-таки фиксируются. Попробуем обозначить наиболее важные из этих особенностей, обратившись к сочинениям Сульпиция Севера, Павла Орозия, Мовсеса Хоренаци и Себеоса, в которых идея *translatio imperii* может считаться и своеобразным нарративным стержнем, и средством для фокусировки поменявшейся исторической оптики.

Так, *Сульпиций Север*, трактуя «перечень» четырех царств, ссылается на библейский рассказ о сне Навуходоносора и его объяснение Даниилом, но сам этот перечень выглядит необычным. Автор пишет:

представителем является Дарий «Мидийский»), Греко-македонского (у одних авторов фигурирует как греческое, у других — как македонское) и, наконец, Римского царства.

³ Irene. *Contre les Heresies*. V. 26; V.30.3

⁴ Hippolyt. *Comm. In Dan.* II.3.12.; IV.17; *De Christo et antichristo*. 23–25; 28. Подробнее см.: *Nuove ricerche su Ippolito* 1989.

⁵ Cyrillus Alexandrinus. *In Zachariam prophetam commentaries* // PG. 72, 92; de Boer 1985.

⁶ Подробный разбор истоков и эволюции концепции см. Podskalsky 1972.

«И вот вслед за этим [такое] дал пророк объяснение увиденному во сне идолу через образ мира. Золотая голова есть царство Халдейское, ибо оно, как мы знаем, было первым и могущественнейшим. Грудь и руки серебряные означают второе царство, ибо Кир, победив Халдеев и Мидийцев, власть передал Персам. В животе медном возвещается третье царство, и мы ясно видим, что это Александр, свергнув власть Персов, утвердил Македонию. Железные голени есть четвертое государство, под ним понимается Рим, из всех предшествующих царств сильнейшее. Ноги же частью железные, частью глиняные есть Римское государство, которому предначертано разделиться так, чтобы уже никогда не воссоединиться вновь, что так же исполнилось, ибо не одним императором, но многими и часто с оружием в руках или противоречивыми страстями государство Римское управлялось» (П.Ш.1–5).

Оригинальность трактовки обеспечивается введением в общепринятую схему Халдейского царства. Для Сульпиция Севера Халдейское царство – «первоначальное местожительство» родоначальника народов Авраама (I.5.1), поэтому рассказ об истории рода человеческого связывается у него с Халдейской землей, в отличие и от античной трактовки, согласно которой первым царем был ассириец Нин⁷, и от библейской, выдвигавшей на роль первой мировой «империи» Вавилонское царство.

⁷ О царе Нине дал прекрасную справку В.М. Тюленев: «Упоминания о царе Нине нет ни в одном источнике собственно восточного происхождения. Первые упоминания о нем принадлежат к греко-римской литературной традиции. Имя этого ассирийского царя встречается у Геродота, который называет Нина сыном Бела, внуком Алкея (Herod. Hist. 1.7), отцом Сарданапала (Herod. Hist. II.150). В дальнейшем главным источником сведений о царе Нине для европейских историков стала Persica Ктесия Книдского (ок. 400 г. до н.э.). Относительно определения первого исторического царствования в греко-римской литературе существовало по крайней мере две традиции. Обе они были известны Орозю. Согласно первой, идущей, как считается, от Кастора Родосского (автор Хроники, доведенной до 61 г. до н.э.) через Варрона (см.: Arnaud-Lindet М.-Р. (Orose). Т. 1. Р. 197–198), первым историческим царем был Бел, отец Нина. Источником второй традиции, согласно которой первым царем следует считать Нина, для Орозия послужил Юстин (Jus. Epit. I.1–5; 1.8). При этом следует оговориться, что Юстин считал Нина первым царем-завоевателем, в отличие от предшествующих миролюбивых царей; Юстин к тому же называет неких египтянина Весозиса и скифа Танаиса, правивших прежде Нина и искавших славы для своих народов вдали от дома (Jus. Epit. I.1.6–7). Уже Августин смешивает обе традиции. Сначала со ссылкой не только на Помпея Трога и Юстина, известных Орозию, но и на других авторов он сообщает о Нине Ассирийском как о первом царе: «С какой бы долей правдивости ни писали и Юстин, и Трог... все же в кругу прочих писателей также признано, что власть ассирийцев простерлась и вширь, и вдаль при царе Нине» (Aug. De civ. Dei IV.6). Несколько позже, в XVI книге трактата *О граде Божьем*, написанной после публикации Истории Орозия, Августин называет первым царем Бела, отца Нина, говоря, что Бел правил шестьдесят пять лет, а после него царствовал Нин в течение шестидесяти двух лет (Aug. De civ. Dei XVI. 17). В VII книге Истории Орозий укажет на свое знание подобной традиции, однако останется верным Юстину (Hist. VII.2.13). Имя царя Нина запечатлено в названии ассирийского города Нинивеи, в отношении которого Нин рассматривался в качестве героя-основателя». Тюленев 2001. Т. 1. С. 169.

Еще сильнее отличается от принятой схемы толкование Павла Орозия. Если все его предшественники так или иначе транслировали мнение о четырех царствах, которым *поочередно с востока на запад передавалось мировое господство*, то для Орозия эти царства привязаны к частям света: Вавилонское царство располагалось на востоке, Карфагенское (sic!) – на юге, Македонское – на севере, а Римское – на Западе⁸. Некоторые исследователи видят в таком подходе результат совмещения теории четырех земных империй с представленной Иеронимом идеей разделения державы Александра Македонского на четыре части⁹. Однако здесь присутствует совершенно иная логика, и она четко отрефлексирована самим автором во второй книге «Истории против язычников»:

«А если всякая власть от Бога, то тем более от Бога царства, из которых берет начало любая другая власть; а если от Бога всякое царство, то в еще большей мере от него всякое великое царство, которому покоряется вся мощь остальных царств; таковым сначала было Вавилонское царство, затем Македонское, потом Африканское и, наконец, Римское, которое и ныне продолжает существовать, и по этому невыразимому определению *в четырех сторонах света возникли четыре великие царства*¹⁰, а именно – Вавилонское царство на востоке, на юге – Карфагенское, на севере – Македонское, на западе – Римское; из них между первым и самым последним, то есть между Вавилонским и Римским, как бы между престарелым отцом и маленьким сыном, возникли, словно опекун и покровитель, Африканское и Македонское, кратковременные и срединные царства, *допущенные властью времени, а не по праву наследования*» (II.1.3–6). К этой же мысли Орозий возвращается и в седьмой книге: «... между Вавилонским царством, что располагалось на востоке, и Римским, которое, возвышаясь на западе, взращивалось наследием востока, *посредничали Македонское и Африканское царства, то есть они на юге и на севере в краткий срок своего существования как бы играли роль опекуна и покровителя*» (VII.2.4).

Таким образом, Павел Орозий акцентирует не только пространственную, но и хронологическую логику в процессе наследования земного величия (*translatio imperii*)¹¹. Кроме того, если первые три великих царства соотносятся у него с репрезентацией отдельных частей ойкумены – Азии, Европы и Африки¹², то Римская империя, возвышающаяся на Западе, но «вращенная наследием Востока» при посредничестве македонян и карфагенян, мыслится уже как «универсальная» *всемирная империя*. Специфика «Истории против язычников» – еще и в наделении концепции четырех царств весьма прагматическим статусом на уровне нарративной стратегии. Если иным христианским авторам эта теория

⁸ Подробнее см.: Janvier 1982; Тюленев 2005. С. 169–170.

⁹ Jerome. In Danielelem. I.2.31–35; II.7.4–7.

¹⁰ Здесь и далее при цитировании источников курсив автора статьи.

¹¹ См.: Тюленев 2005. С. 167–178. О концепции *translatio imperii*: Trieber 1892; Swain 1940; Flusser D. 1972; Collins; Mendels 1981; Alonso-Núñez 1989; Redmond 1989–90.

¹² «Предки наши видели весь круг земной, опоясанный океаном, трехдольным и называли три его части Азией, Европой и Африкой» (I.2.1).

представлялась главным образом умозрительной, то в сочинении Орозия она служит также основой для структурирования событийного материала, относящегося к греческому (II.6–11; II.14–18; III.1–2; III.11 и далее), македонскому (III.12–14; III.16–20; III.23), карфагенскому (IV.6–19) и римскому (V–VII кн.) прошлому. Повествование автора о всемирной истории смещается с севера на юг и с востока на запад, от Греко-македонского царства до Карфагенского и от Вавилона до Рима, причем именно последний вектор (Восток–Запад, Вавилон–Рим) является основополагающим, поскольку маркирует связь первого и последнего всемирного царства, царства севера и юга в этой системе наделяются промежуточным значением («*ролью опекуна и покровителя*»).

Обращаясь к идее *translatio imperii* и модели четырех царств, Орозий решает не только композиционные задачи, но «активно теоретизирует по поводу концепции четырех Империй, он наполняет ее хронологическими подсчетами, а также обнаруживает в истории четырех империй большое количество синхронизмов и событийных параллелей», особенно между Вавилоном и Римом¹³. Для обоснования сходства Римской и Вавилонской держав и необходима Орозию указанная теория. Такое уподобление позволяет доказать, помимо прочего, что взятие Рима готами не является свидетельством конца, что Рим еще не прожил «вавилонского времени» (1400 лет от своего основания) и, следовательно, еще достаточно долго будет благоденствовать. Орозий пишет:

«...Вавилон, спустя 1160 лет и приблизительно 4 года, как был основан, оказался разграблен мидийцами и Арбатом... и был лишен владычества и самого царя; сам же [город] после этого довольно долго оставался невредимым. Подобным же образом и Рим по истечении такого же срока, т.е. спустя 1160 лет и приблизительно 4 года [от основания], потревоженный готами и Аларихом... не лишенный владычества, до сих пор остается невредимым и царствует» (II.3.2–3). Кроме того, «и у Вавилона, и у Рима было сходное возникновение, сходное влияние, сходное могущество, сходные времена, сходные блага, сходные несчастья, но все же не был одинаков их исход и упадок. Ибо тот [город] утратил власть, этот сохраняет; тот осиротел после убийства царя, этот, поскольку невредим император, безмятежен. Почему же так? Потому что там в царя была наказана неводержанность страстей, здесь в царя пребывало непрерывнейшее благочестие христианской религии; там без почтения религии безумный произвол порождал жажду сладострастия, здесь были христиане, которые смогли уберечь [город], христиане, благодаря которым можно было уберечься, христиане, благодаря эпохе которых и в эпоху которых может быть пощада» (II.3.6–7).

Идея благополучия и процветания империи благодаря христианам и правлению христианских правителей, теория превосходства христианских времен над языческой эпохой проходит красной нитью через все сочинение Павла Орозия¹⁴. В рамках такого подхода¹⁵ ключевой

¹³ Подробнее см.: Тюленев 2005. С. 172–177.

¹⁴ Там же. С. 178–186.

оказывается провиденциальная роль Рима в истории Спасения человечества: «Бог, сменяющий царства и располагающий времена, а также карающий за прегрешения... основал Римскую империю... Её, возвышенную за долгое время через царей и консулов, после того как ею были покорены Азия, Африка и Европа, Бог, по определению своему, отдал в руки одного императора, самого энергичного и самого кроткого... При этом императоре... Бог истинный... открыл тот знаменитый источник Своего постижения» (VI.1.5–7). Вероятно, Орозий, возражая оппонентам из числа язычников и вопреки эсхатологическим ожиданиям многих христиан, использовал концепцию четырех царств, чтобы обосновать превосходство христианского Рима над всеми прочими царствами и его нескорую гибель. В контексте христианского историописания на рубеже Античности и Средневековья данное обоснование позволяло настаивать на том, что именно Римская империя – провиденциально последнее мировое царство, во время существования которого однажды уже реализовалось предсказанное торжество христианской истины, а позднее должно свершиться и Второе Пришествие.

Примеры необычного сочетания концепции четырех царств с типикой христианского универсализма и своеобразно истолкованной идеей христианской империи обнаруживаются не только в латинских текстах эпохи, но, к примеру, и в древнеармянской историографии. Более того, именно на армянской почве конфигурация отмеченных сюжетов обретает весьма причудливые формы, без учета которых нельзя адекватно судить о многих «несоответствиях» и «неточностях» в описаниях прошлого армянскими историками. Так, ярко выраженной спецификой обладают пространственные компоненты в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци. Важное место в его повествовании о прошлом армянских земель занимает Эдесса и ее правитель Абгар IV Ухама. Сирийский город Эдесса попадает на страницы «Истории Армении» не случайно и не вследствие оплошности автора. Его основание в интерпретации Мовсеса Хоренаци напрямую связано с армянской историей: первоначальной столицей Абгара оказывается армянский город Мцбин, Эдесса же выступает форпостом на восточных границах его царства, куда этот правитель со временем переводит свой двор и царский архив, фактически превращая Эдессу в собственную резиденцию (II.27)¹⁶.

¹⁵ В целом об исторической концепции Павла Орозия см.: Faink 1951; Diesner 1963; Goetz 1980; Koch-Peters 1984; Ampio 1988; Polichetti 1999. О совпадении и переплетении Римской политической истории и священной христианской истории особенно см.: Inglebert 1996. P. 527–591.

¹⁶ «Немного спустя умирает Август и его на римском престоле сменяет Тиберий. Германик, ставший кесарем, подвергает поношениям вельмож, посланных в Рим Аршавиром и Абгаром, за проведенную ими войну, в которой был убит сын брата Ирода. Ожесточенный этим, Абгар замышляет мятеж и готовится к войне: строит

Большинство деталей повествования, связанных с личностью Абгара Ухамы, выглядит у Мовсеса Хоренаци интригующе. Мовсес не только ссылается на него как на первого в истории царя, принявшего христианство, но и представляет Абгара, не имевшего особого отношения к Армении, едва ли не главным персонажем армянской истории. Мовсес неоднократно обращается к его деяниям и в первой, и во второй книгах «Истории». Он, в частности, пишет: «В двадцатом году Аршеза, когда истекли дни его царствования, собралось армянское войнство и по его указанию провозгласило царем над собой Арджамом, то есть Аршамом¹⁷, сына Арташеса, брата Тиграна, отца Абгара» (II.24). Автор не только считает и называет Абгара «нашим царем» (II.25) или «царем Армении» (II.33), но вводит его в династию Арташесидов, а само имя правителя трактует на армянский манер: «Абгар, сын Аршамом, вступает на престол на двадцатом году правления Аршавира, царя персов. Этот Абгарос именовался “*авас айр*” из-за своей необычайной скромности и мудрости, а потом также из-за возраста. Греки и сирийцы, не умея правильно произнести это (имя), наименовали его Абгарос» (II.26). Так, с помощью серии сомнительных отождествлений и домыслов сирийский правитель Абгар Ухама становится правителем армян.

Под пером Мовсеса Хоренаци Абгар становится также героем, связывающим судьбы царской власти (восходящей к первому царю – Нину) и христианскую историю. В ключевые моменты истории на ее авансцене оказываются армяне. Даже характерный для христианского историописания синхронизм «Август – Христос» (II.26) в сочинении Мовсеса призван подкрепить не только идею событийного пересечения церковной и имперской истории (предусмотренного промыслом Божиим), но и причастность к величайшим эпизодам прошлого Абгара и армян: Абгар не только правит Арменией, но и улаживает дела персов, учреждая у них три рода (к одному из них принадлежал просветитель Армении св. Григор) и утверждая порядок наследования, дабы не пресекался род Арташеса, ведь «этот великий род воистину является кровью Валаршака, то есть семенем Аршака Великого, брата Валаршака» (II.27).

город на том месте, где сторожевой полк армян в свое время охранял Евфрат от Кассия, и называет его Эдессой. Переносит туда свой двор, бывший в Мцбине, и всех своих идолов – Набога, Бела, Батникала, Тарата, и книги храмовой школы, также и все архивы царей» (II. 27).

¹⁷ Исследователи и комментаторы «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци отмечают, что имя **Аршам** возникло по недоразумению: у царя Эдессы Абгара было прозвище Укама («Черный»), которое в армянском переводе «Церковной истории» Евсевия Кесарийского передано в форме Арджамом (от арджн – «черный»), а в переводе труда Лабубны – Аршамом. «Абгар Аршамом» было воспринято как «Аршамом Абгар», т.е. Абгар, сын Аршамом. Отсюда возникло представление, что Абгару на троне Эдессы предшествовал Аршам.

Благодаря Абгару история Армении напрямую связывается с историей библейской, при этом противниками армянского царя оказываются Пилат, Ирод и прочие злодеи. Мовсес пишет: «враги – Пилат и тетрарх Ирод, Лисания и Филипп – злословили на его счет. Абгар же, прибыв в свой город Эдессу, заключил союз с Аретом, царем патрийцев, и послал ему помощь через некоего Хосрана Арцруни для ведения войны с Иродом. Ибо Ирод, ранее женатый на дочери Арета, выгнал ее с позором и взял (в жены) Иродиаду, разведя ее с живым мужем, за что постоянно подвергался осуждению со стороны Иоанна Крестителя, и по этой причине убил его. И из-за бесчестия дочери между Аретом и им вспыхнула война, в которой *при помощи армянских храбрецов войскам Ирода было нанесено тяжелое поражение; как будто providению Божию было угодно воздать за смерть Иоанна Крестителя*» (I.29).

Так, армянский народ не только оказывается сопричастен евангельским событиям, но также выполняет важную миссию, осуществляя божественное возмездие. Далее излагается знаменитая легенда о переписке Абгара с самим Иисусом Христом, об исцелении царя и его обращении в христианство, а также о проповеднической деятельности в Эдессе апостолов Фаддея и Варфоломея (I.33), которых Мовсес называет «нашими апостолами» (I.34). Все эти сюжеты необходимы армянскому историку для обоснования того, что свет истинной веры очень рано воссиял на армянской земле и армянская церковь по праву считается апостольской.

Ментальная карта «Армянской истории» включает обширные, но хорошо узнаваемые регионы. Здесь интересно, впрочем, что понятия «Армения» и «армянский» четко не привязываются к конкретным географическим объектам. Перед читателем, скорее, образ некоей «срединной земли», наделенный глубоким символическим смыслом: Армения – это посредница между Востоком и Западом, связующее звено между первым в мировой истории царством Нина и Римской империей. Собственно, и повествование Мовсеса начинается с происхождения народов и деяний Арама – потомка Иафета и прародителя армян, который превосходит самого Нина и древностью, и могуществом¹⁸.

¹⁸ «Он настолько прославился могуществом, что окружающие нас народы по сей день, как всем известно, называют нашу страну по его имени. Он совершил еще множество других отважных подвигов, но... обо всем этом не упомянуто в коренных царских книгах или в храмовых историях... Во-первых, потому, что его время предшествовало царствованию Нина, а тогда никто не проявлял заботы о подобных вещах». Он приводит и другую причину: «Как я узнал, Нин, будучи человеком гордым и самолюбивым и желая показать, что именно им положено начало и власти над миром, и всяческой доблести и благости, приказал предать огню все прежние сборники преданий о совершенных где-либо и кем-либо подвигах доблести, а те, что состоялись в его время, приостановить и записывать только касающиеся его одного» (I. 14).

Пребывание армян под властью завоевателей трактуется Мовсесом Хоренаци весьма своеобразно. История армян в целом не подчинена «стандартной» нарративной схеме, в которой за фазами порабощения и страданий угнетенного народа должны последовать героическое сопротивление завоевателям и период «реального» или возмещаемого писателем триумфа. Факты покорения армян великими завоевателями древности представлены отнюдь не трагическими поражениями, но подаются как заключение выгодных народа альянсов, благодаря которым армяне выступают друзьями и союзниками «агрессоров», а иногда и главными участниками славных завоевательных походов. Например, завоевание персами Мидийского царства Мовсес преподносит как великую победу армянского царя Тиграна¹⁹, который в союзе с Киром и при его помощи разгромил царство мидян (I.24). Он, в частности, пишет о Тигране: «это самый могущественный и разумный из наших царей, превзошедший в храбрости не только их, но и всех остальных. Он при помощи Кира сокрушил владычество мэдов (т.е. мидян. – И. В.) и, покорив греков, долгое время держал их в повиновении. Он раздвинул пределы страны нашего обитания, доведя их до крайних древних ее рубежей. Он вызывал зависть всех своих современников, а для нас, ныне живущих, его время и он сам – заветная мечта» (I. 24).

Согласно Мовсесу, армяне прославились подвигами «в Илионской войне, описанной у Гомера»: «Также и наш Зармайр, служивший ассирийцам, с немногими (воинами отправился) вместе с эфиопским войском на помощь Приаму и там, получив рану от эллинских храбрецов, умер; желал бы я, чтобы это было от Ахилла, а не от кого-либо другого из храбрецов» (I.2). Судьба армянского народа оказывается переплетенной и с историей Александра Македонского. Довольно причудливым способом Мовсес связывает этого величайшего завоевателя древности с династией Аршакуни, которая правила в Армении:

«Александр Македонский, сын Филиппа и Олимпиады, двадцать четвертый потомок Ахилла, овладев всей вселенной, умирает, завещав свое государство многим, дабы всюду считали властителями македонян. Вслед за ним в Вавилоне воцарился Селевк, отобрав власть у многих; в упорной войне он покорил также парфян и поэтому был прозван Никанором²⁰. Он властвовал тридцать один год и оставил царство своему сыну Антиоху, прозванному Сотером [который процарствовал] девятнадцать лет. За ним последовал Антиох, прозванный Теосом [процарствовавший] десять лет, а на одиннадцатый парфяне отпали от служения македонянам. Так воцарился Аршак Храбрый из Авраамова семени, от отпрысков Кетуры²¹, в подтверждение слова Господнего к Аврааму: “цари народов от тебя произойдут”» (II.1).

¹⁹ Имеется в виду Тигран I Ервандид (ок.560–535 г. до н.э.).

²⁰ Селевк I Никатор (312–281 г. до н. э.), основатель династии Селевкидов.

²¹ Кетура, Хеттура – вторая после Сары жена библейского Авраама, родившая ему сына, названного Мадияном (Бытие 25:1).

В другой части говорится о роли Аршака в прошлом Армении:

«Рассказывают, что *Аршак Великий*, царь Персии и Парфии и родом парфянин, отложившись от македонян, воцарился над всем Востоком и Ассирией и, убив в Ниневии царя Антиоха, *подчинил своей власти всю вселенную*. Брата своего Валаршака он ставит царем в Армении, сочтя это благоприятным для сохранения неизблемости своего царствования. Столицей ему он назначает Мцбин²² и включает в пределы его (государства) часть западной Сирии, Палестину, Азию²³, все Средиземье²⁴ и Теталию²⁵, начиная от Понтийского моря до того места, где Кавказ оканчивается у Западного моря²⁶, а также Атрпатакан²⁷ “и прочее, чего достигнут мысль твоя и храбрость, ибо границы храбрецам, говорит он, определяет их меч: сколько отсечет, стольким и владеют”» (I.8). Мовсес подчеркивает значимость Аршака I в мировой истории: «*Аршак же завладевает третьей частью света*, как об этом можно узнать из четвертой книги Геродотовой Истории о событиях, сообщающей о делении всей земли на три части и о том, что одна из них называется Европой, другая – Ливией и третья – Азией; ею-то и овладел Аршак» (II.2).

Здесь важно и происхождение Аршака «от Авраамова семени», и предзаданность его воцарения Священным Писанием, и соотнесенность с Александром Македонским, и власть армянского царя над огромными территориями, и соединение в руках Аршака и династии Аршакуни светского и духовного владычества, унаследованного от Авраама.

В результате виртуозного рассказа Мовсеса Хоренаци армянский царь Валаршак, через родство с Аршаком Великим, оказывается одним из наследников державы Александра Македонского.

Попытки Мовсеса удревить историю собственного народа и связать ее с судьбами всей ойкумены, максимально расширив владения армянских правителей, выглядят более-менее заурядными, но его рассказ о противостоянии армян с римлянами интригует²⁸. Странно то, что царь Великой Армении Тигран Великий (95–55 гг. до н.э.) – один из самых могущественных представителей династии Арташесидов и великих завоевателей древности, присоединивший к Армении Сирию, Месопотамию и земли парфян²⁹, – в сочинении Мовсеса не заслуживает ни похвалы, ни уважения. В начале второй книги историк бегло, без эмоций сообщает о многочисленных победах армян (в правление и под предво-

²² Мцбин – сирийский город Нисибин в Северной Месопотамии, близ границ исторической Армении.

²³ Азия – в данном случае западная часть Малой Азии, соответствовавшая территории римской провинции Азии.

²⁴ Средиземье (Миджеркрайк) – так у Мовсеса называется полуостров Малая Азия.

²⁵ Теталия – страна, судя по контексту, между Черным и Каспийским морями.

²⁶ Западное море – судя по всему, Каспийское море, которое названо так с точки зрения обитателей исконной Парфии, располагавшейся к юго-востоку от Каспия.

²⁷ Атрпатакан – Атропатена, нынешняя иранская провинция Азербайджан.

²⁸ Подробнее см.: Ващева 2012.

²⁹ Кусикьян 1940; Манандян 1943; Манасерян 1982; Халатьянц 1903.

дательством Тиграна) над римлянами и другими могущественными противниками (II.17–20), что, однако, ничуть не добавляет славы Тиграну. Далее в «Истории» читаем: «Тирана сменяет его брат Тигран Последний, занявший престол в двадцать четвертом году правления персидского царя Пероза. Он царствовал долго – сорок два года и умер, так и не свершив никаких достойных упоминания подвигов мужества, кроме разве того, что был взят в плен некоей молоденькой гречанкой во времена, когда скончался римский царь Тит Второй, который был назван Антонином Августом...» (II.64). Тиграна Мовсес изображает не просто плохим воином и полководцем (он был пленен девицей и освобожден только римлянами), но и непорядочным человеком, который легко нарушал государственные и брачные обязательства и отрекся от своих сыновей (II.64). В целом, образ Тиграна Великого задан армянским историком V века на удивление скупое. Автор, вместо гордости за соотечественников демонстрирует довольно благосклонное отношение к завоевателям (римлянам) и куда как более негативное – к армянскому правителю. Сходным способом Мовсес характеризует и сына Тиграна – Артавазда. Последний описан, прежде всего, как глубоко порочный и нечестивый правитель: «Артавазд, однако, не совершил каких-либо иных мужественных и доблестных деяний. Предавшись обжорству и пьянству, он бродил по болотам, тростниковым зарослям и скалистым местностям, преследуя диких ослов и кабанов. Пренебрегая мудрыми и отважными делами и заботой о доброй славе, истинный прислужник и раб чрева, он лишь умножал нечистоты» (II.22). Автор не говорит о том, что в военных сражениях против римлян армянские войска под предводительством Артавазда неизменно одерживали победы, а сам армянский правитель был захвачен лишь после того, как Антоний хитростью заманил его в свой лагерь, якобы для ведения переговоров. Последние события вообще представлены как доблестная военная победа Антония: «с большим войском он идет на Артавазда и, пройдя через Месопотамию, предает мечу неимоверное множество армянских воинов и забирает в плен их царя» (II.22). Складывается впечатление, что симпатии армянского историка находятся на стороне римлян. Мовсес изображает их не столько коварными и жестокими противниками и поработителями Армении, сколько доблестными воинами и покорителями всего мира.

В чем причины столь парадоксальной репрезентации событий армянским автором? Ответить на этот вопрос невозможно, опираясь лишь на фактографию повествования Мовсеса Хоренаци. По нашему мнению, специфическая интерпретация этим автором конфликта между армянами и римлянами должна быть соотнесена с восприятием идеи *translatio imperii* и теории четырех царств. Вероятно, именно они во многом определили структуру «Истории Армении» и толкование ряда исторических сюжетов. Так, занимающая центральное положение вто-

рая книга («Изложение средней истории наших предков») повествует не столько о судьбах армянского народа, сколько об утверждении в мире власти римлян – по сути, о начале четвертого, последнего из возведенных пророком, мировых царств. С учетом распространенности этой концепции и ее возможного влияния на мировоззрение Мовсеса, понимание им роли армян во всемирной истории предстанет в несколько ином свете. Армяне для него – не столько сообщество, субъективно претерпевающее вызовы времени (завоевания, порабощения и т.п.), или самостоятельный актер истории, сколько богоносный народ, способствующий реализации божественного плана. Именно армяне сломали власть мидийцев (I.24), способствовали переходу власти над миром от македонян к римлянам (рассказ о войне армян против македонянам и дружбе с римлянами в II.2). Всюду у Мовсеса армяне выступают не врагами или вынужденно покорными данниками Рима, но его союзниками и друзьями, а Аршак Храбрый «отправляет послов договориться (с римлянами. – *И.В.*) о союзе, чтобы они не помогали македонянам, с условием *не уплаты дани, а ежегодных даров* в сто талантов» (II.2).

Такое толкование событий армянским автором отнюдь не случайно. Мовсеса Хоренаци трудно заподозрить в незнании материала, недобросовестности или недостатке образования. Перед нами, напротив, тщательно продуманный текст, его задача – выстроить целостный образ прошлого армян, который, соответствуя основным посылам христианской традиции, позволял бы соотнести это прошлое с Божественным промыслом, глобальной историей Спасения.

Еще дальше идет армянский автор VII века *Себеос*, историческое повествование которого («История императора Иракла») ³⁰ организовано в прямом соответствии с концепцией *translatio imperii* и схемой четырех царств. Себеос ссылается на пророчества Даниила, но по-своему интерпретирует известные библейские сюжеты:

«Кто может рассказать о страшных бедствиях, нанесенных исаильтянами, которые воспламенили пожаром море и сушу? Пророк Даниил заранее предсказал эти бедствия, постигшие землю; он уподобил четверем зверям четыре царства, должествующие возникнуть на земле. Во-первых, западное царство греков – зверь подобный человеку. Пророк говорит “исторжена быша крила его и воздвигется от земли” и подразумевает здесь бесовское идолопоклонство. “И на ногу человеку ста, и сердце человеку дадеса ему”. Второй зверь, подобный медведице, восстал на востоке. Он подразумевает царство Сассанидов. “И три ребра во устех его”, то есть царства: персидское, мидийское и парфянское. Это явствует из того, что ему говорят: “восстани, яждь плоти многи”, как он и съел многих. “И третий зверь аки рысь: тому же крила четыре птичьи над ним и четыре главы зверю”. Говорится о северном царстве – Гога и Магога и о двух товарищах его, которым дана была власть стремительно летать в северных стра-

³⁰ The Armenian History attributed to Sebeos...

нах в свое время. “И се зверь четвертый страшен и ужасен, зубы же его железни велии, и ноги его медяны, ядый и истончевша, останки же ногами своими попираше”. Этот четвертый [зверь] – царство исмаильтян на юге, как объяснил архангел: “Зверь четвертого царства превзойдет все царства и поест всю землю”. “И десять рогов его, десять царей восстанут, и по ним восстанет другой, иже превзойдет злобами всех прежних”» (Ш.32).

Мы видим, что основные акторы и сам порядок перехода земного могущества от одного царства к другому, выглядят совершенно иначе, чем в упомянутых ранее текстах. Вместо Вавилона первым царством названо «западное царство греков (или ромеев)», которое в VII в. может идентифицироваться только с Византийской империей и Константинополем. Место царства мидян и персов занимает держава Сасанидов на востоке. Третьим, взамен привычного Греко-Македонского, выступает «Северное царство», или «царство Гога и Магога», не поддающееся более точной локализации. Наконец, четвертое и последнее в плане христианской эсхатологии царство, которое всеми предшествующими авторами прочно ассоциировалось с Римской империей, оказывается «царством исмаильтян на юге». Появление в традиционной схеме исмаильтян вызывает, пожалуй, наименьшее число вопросов. Их царство оправданно ассоциируется с арабами, о чьих завоеваниях огромных территорий в VII в. свидетельствует сам Себеос. Относительно предсказуемо и определение их религиозной принадлежности: «исмаильтяне» посланы Богом, чтобы разрушить установившийся мировой порядок, тогда как греки изображены отступниками от истинной веры, а персы однозначно рассматриваются как язычники. Однако все дальнейшие рассуждения по поводу смыслов, заложенных автором в «Историю императора Иракла», наталкиваются на серьезные проблемы. Реконструкция на ее основе реальных исторических событий, развернувшихся на обширных территориях (Византии, Персии, Аравийского полуострова и др.) в первой половине VII в., а также верификация географических и хронологических маркеров, крайне затруднительны³¹.

Географический охват повествования Себеоса невероятно широк. Он рассказывает о событиях политической жизни в Римской империи и Сасанидском Иране, в государстве арабов и Передней Азии в целом. Явным диссонансом при этом выглядит включение в число акторов истории, наряду с реальными державами, некоего «Северного царства» или «Царства Гога и Магога», которое не поддается однозначному отождествлению. Неясно и то, почему автор кардинально меняет последовательность *translatio imperii*. Если в традиционных трактовках вектор исторического развития – пусть и с некоторыми вариациями – направлен с Востока на Запад (тем самым история мира символически

³¹ Акопян 2016.

движется по «естественному» пути – от восхода к закату), то у Себеоса этот вектор теряет значимость. Позиционирование им в качестве первой мировой державы «западного царства греков», вероятно, должно символизировать остановку движения истории, достижение последней своего предела. Значимо и то, что в схеме Себеоса отсутствует Римская империя, традиционно считавшаяся воплощением важнейших смыслов, своеобразной квинтэссенцией земного владычества. Таковую подачу вряд ли можно объяснять невежеством или спонтанной ошибкой Себеоса. Здесь, скорее, содержится намек на то, что в истории Спасения ключевую роль должны сыграть уже не римляне. На роль лидера, богоискусно и богоизбранного народа претендуют, возможно, именно «сыны Гога и Магога», происходящие из племени Иафетова³², «от семени Аврамова», и населившие «северные земли».

Поражают неожиданностью и отдельные оценки Себеосом арабских завоеваний. В частности, не вполне согласуется с позицией христианского епископа его мнение относительно успехов «исмаильтян», которым якобы помогает сам Бог. Непонятными в системе рассуждений Себеоса о *translatio imperii* выглядят роль Армении и исключительное внимание к византийскому императору Ираклию, вокруг деяний которого выстраивается все повествование³³. Разумеется, опасное положение Армении между Византией, Сасанидским Ираном и стремительно возвышающимся миром ислама вынуждало Себеоса чутко реагировать на события в соседних странах, даже если они не соотносились напрямую с судьбами Армении. Однако анализ сугубо фактографической канвы его «Истории» не приближает нас к пониманию авторского замысла и к адекватной интерпретации им армянской, византийской и всемирной истории. Вероятно, лишь обращение к эсхатологическому плану, который маркирован включением в число четырех мировых империй «царства Гога и Магога», может прояснить смыслы, заложенные в концепцию *translatio imperii* этим христианским автором VII века.

Исторические сочинения христианских писателей поздней Античности и раннего Средневековья наглядно демонстрируют тот факт, что восприятие человеком географического пространства, его репрезентация и осмысление далеко не всегда продиктованы прагматическими аспектами и «реальным опытом». Смысловые границы географических маркеров и обозначений подвижны и несвободны от религиозных, политических, культурных предпочтений того или иного автора. «Истинные» (в понимании представителей эпохи) знания о географическом

³² Об особой роли этнонима «племя Иафетово» в обосновании особой значимости (богоизбранности) «нового» народа см.: Топоров 2010. С. 273–274; Солнцев 2012–2013. С. 63–64.

³³ Подробнее см.: Арутюнова-Фиданян 2003.

пространстве, как и привычные практики моделирования географических образов тесно сопряжены с эмоционально-ценностным восприятием воображаемого объекта³⁴. Топонимы, появившиеся на страницах христианских историй, зачастую наделены символическими коннотациями. Определить смыслы последних невозможно без учета тех конкретно-исторических условий, в которых составлялись данные тексты. Не является исключением здесь и практика актуализации церковными авторами фундаментальной теории четырех земных царств.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Акопян П.А. Византийская империя в трактовке Себеоса // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. 2016 № 1 (222). Вып. 37. С. 43–46 [Akopyan P.A. Vizantijskaya imperiya v traktovke Sebeosa // Nauchny`e vedomosti BelGU. Seriya Istoriya. Politologiya. 2016 № 1 (222). Vy`p. 37. S. 43–46].
- Арутюнова-Фиданян В.А. Себеос об Иракии // Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения / отв. ред. А. А. Чекалова. СПб.: Алетейя, 2003. С. 150–159 [Arutyunova-Fidanyan V.A. Sebeos ob Iraklii // Mir Aleksandra Kazhdana: K 80-letiyu so dnya rozhdeniya / otv. red. A. A. Chekalova. SPb.: Aleteiya, 2003. S. 150–159].
- Ващева И.Ю. Парадоксы исторической концепции Мовсеса Хоренаци // Диалог со временем. Вып 40. М., 2012. С. 219–230 [Vashheva I.Yu. Paradoxys` istoricheskoy koncepcii Movsesa Xorenaci // Dialog so vremenem. Vy`p 40. M., 2012. S. 219–230].
- Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с. [Zamyatin D.N. Kul`tura i prostranstvo. Modelirovaniye geograficheskix obrazov. M.: Znak, 2006. 488 s.].
- Ипполит Римский. Творения св. Ипполита, еп. Римского. Казань, Казан. духовная академия. Вып. 1–2. Казань, 1898. 301 с. [Ippolit Rimskij. Tvoreniya sv. Ippolita, ep. Rimskogo. Kazan`, Kazan. duxovnaya akademiya. Vy`p. 1–2. Kazan`, 1898. 301 s.].
- История епископа Себеоса / Пер. Ст. Малхасянц. Ереван: Изд-во Арм. филиала АН СССР, 1939. 184 с. [Istoriya episkopa Sebeosa / Per. St. Malxasyancz. Erevan: Izd-vo Arm. filiala AN SSSR, 1939. 184 s.].
- История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века / Пер. с арм. К. Патканьяна (К. Патканова). СПб., 1862. 216 с. [Istoriya imperatora Irakla. Sochinenie episkopa Sebeosa, pisatelya VII veka / Per. s arm. K. Patkan`yana (K. Patkanova). SPb., 1862. 216 s.].
- Кусикьян И. Тигран II и Рим // Исторический журнал. 1940. № 10. С. 87–98 [Kusik`yan I. Tigran II i Rim // Istoricheskij zhurnal. 1940. № 10. S. 87–98].
- Манандян Я.А. Тигран II и Рим: в новом освещении по первоисточникам. Ереван, 1943 [Manandyan Ya.A. Tigran II i Rim: v novom osveshhenii po первоistochnikam. Erevan, 1943].
- Манасерян Р.Л. Процесс образования державы Тиграна II // ВДИ. 1982. № 2. С. 122–138 [Manaseryan R.L. Process obrazovaniya derzhavy Tigrana II // VDI. 1982. № 2. S. 122–138].
- Мовсес Хоренаци. История Армении. Пер. с древнеарм. языка, примеч. Г. Саркисяна; Ред. С. Аревшатян. Ереван, 1990. 291 с. [Movses Xorenaci. Istoriya Armenii. Per. s drevnearm. yazy`ka, primech. G. Sarkisyana; Red. S. Arevshatyan. Erevan, 1990. 291 s.].
- Священная и церковная история христианского историка Сульпиция Севера. М., 1915. 138 с. (переводчик не указан) [Svyashhennaya i cerkovnaya istoriya xristianskogo istorika Sul`piciya Severa. M., 1915. 138 s. (perevodchik ne ukazan)].
- Солнцев Н.И. «Этнографическое» введение «Повести временных лет» как отражение перехода от мифопоэтического к логико-дискурсивному описанию исторических событий // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 3–4. 2012–2013. Нижний Новгород, 2013. С. 59–68 [Solncev N.I. «Etnograficheskoe» vvedenie «Povesti vremenny`x let» kak otrazhenie perexoda ot mifopoe`ticheskogo k logiko-

³⁴ См. в этой связи: Замятин 2006.

- diskursivnomu opisaniyu istoricheskix soby'tij // Al'manax po istorii Srednix vekov i rannego Novogo vremeni. Vy'p. 3–4. 2012–2013. Nizhnij Novgorod, 2013. S. 59–68].
- Сульпиций Север. Сочинения / пер. А.И. Донченко. М.: РОССПЭН. 1999. 320 с. [Sul'picij Sever. Sochineniya / per. A.I. Donchenko. M.: ROSSPEN. 1999. 320 s.]
- Творения блаженного Иеронима Стридонского. (Библиотека творений св. отцов и учителей церкви западной). Киев, 1879–1913. 391 с. [Tvorenija blazhennogo Ieronima Stridonskogo. (Biblioteka tvorenij sv. otczov i uchitelej cerkvi zapadnoj). Kiev, 1879–1913. 391 s.]
- Топоров В.Н. «Мировое дерево»: универсальный образ мифопоэтического сознания // он же. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. М., 2010. Т. 1. С. 263–289 [Toporov V.N. «Mirovoe derevo»: universal'ny'j obraz mifopoe'ticheskogo soznaniya // Idem. Mirovoe derevo. Universal'ny'e znakovy'e komplekсы. M., 2010. T. 1. S. 263–289].
- Тюленев В.М. Историческая концепция Павла Орозия // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Под ред. Г.Е. Лебедевой. Вып. 5. СПб., Алетейя, 2005. С. 157–183 [Tyulenev V.M. Istoricheskaya koncepciya Pavla Oroziya // Problemy` social'noj istorii i kul'tury` srednix vekov i rannego novogo vremeni. Pod red. G.E. Lebedevoj. Vy'p. 5. SPb., Aletejya, 2005. S. 157–183].
- Тюленев В.М. Павел Орозий и его «История против язычников» // Павел Орозий. История против язычников. Кн. I–III. СПб., «Алетейя», 2001. С. 5–20 [Tyulenev V.M. Pavel Orozij i ego «Istoriya protiv yazy'chnikov» // Pavel Orozij. Istoriya protiv yazy'chnikov. Kn. I–III. SPb., «Aletejya», 2001. S. 5–20].
- Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии: с приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2005. 288с. (Серия «Библиотека христианской мысли. Исследования»). 288 с. [Tyulenev V.M. Rozhdenie latinskoj xristianskoj istoriografii: s prilozheniem perevoda «Cerkovnoj istorii» Rufina Akvilejskogo. SPb.: «Izdatel'stvo Olega Aby'shko», 2005. 288s. (Seriya «Biblioteka xristianskoj my'sli. Issledovaniya»). 288 s.]
- Халатыанц Г.А. Армянские Аршакиды в «Истории Армении» Моисея Хоренского: опыт критики источников. Ч. 1–2. М., 1903. 143 с. [Xalat'yanz G.A. Armyskie Arshakidy` v «Istории Armenii» Moiseya Xorenskogo: opy't kritiki istochnikov. Ch. 1–2. M., 1903. 143 s.]
- Alonso-Núñez J.M. Aemilius Sura // Latomus. 1989. Vol. 48. P. 110–119.
- Ampio R. La concezione orosiana della storia, attraverso le metafore del fuoco e del sangue / Civiltà classica e Cristiana. 9. Genova. 1988. P. 217–236.
- Casey M. Porphyry and the origin of the Book of Daniel // JThS. Vol. 27. 1976. P. 15–33.
- Collins J.J. The Place of the Fourth Sibyl in the Development of Jewish Sibyllina // Journal of Jewish Studies. 1974. Vol. 25. P. 365–380.
- Cyrrillus Alexandrinus. In Zachariam prophetam commentaries // PG. 72, 92.
- de Boer S. Rome, the Translatio imperii and the Early Charistian Interpretations of Daniel II and VII // Rivista di Storia e Letteratura Religiosa. Vol. 21. 1985. P. 181–218.
- Delcor M. La Prophétie de Daniel (chap. 2 et 7) dans la littérature apocalyptique juive et chrétienne, en référence spéciale à l'Empire romain // Da Roma alla Terza Roma. Vol. III. Popoli e spazio romano tra diritto e profezia. Napoli, 1986. P. 11–24.
- Diesner H.-J. Orosius and Augustinus // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. 11. 1963. P. 89–102.
- Faink G. Paul Orose et sa conception de l'Histoire. Paris: Centre de Documentation Universitaire, 1951. 234 p.
- Flusser D. The four empires in the Fourth Sibyl and in the book of Daniel // Israel Oriental Studies. 1972. Vol. 2. P. 148–175 .
- Goetz H.-W. Die Geschichtstheologie des Orosius. Darmstadt, 1980. 180 s.
- Hippolyte de Rome. Commentaire sur Daniel / SC, 11. Paris: Editions du Cerf, 1947. 403 pp.
- Hippolytus. Werke I. Commentarius in Daniele / 1.Aufl. Hrsg. von G.N. Bonwetsch / H. Achelis. Leipzig: Hinrichs, 1897.
- Inglebert H. Les Romains Chrétiens face à l'Histoire de Rome. Histoire, christianisme et romanités en Occident dans l'Antiquité tardive (III–V siècles). P., 1996. P. 527–591.
- Irenee de Lyon. Contre les heresies. Livre I–V. Paris, 1979.
- Janvier Y. La Geographie d'Orose. P., 1982. 288 p.

- Jerome's commentary on Daniel / Saint Jerome, Gleason Leonard Archer. Baker Book House, 1958. 189 p.
- Koch-Peters D. Ansichten des Orosius zur Geschichte seiner Zeit. Frankfurt am Main; Bern; N.Y., 1984. 236 p.
- Mendels D. The Five Empires: A Note on a Propagandistic Topos // AJPh. 1981. Vol. 102. N 3. P. 330–337.
- Momigliano A. Daniele e l teoria greca della successione degli imperi // Rendiconti Accademia dei Lincei. Classe de Scienza morali, storiche e filologiche. Serie VIII. Vol. XXXV. 4. 1980. P. 157–162.
- Moses Khorenats'i. History of the Armenians / Transl. and Commentary by R. Thomson. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1978. 400 p.
- Nuove ricerche su Ippolito / Studia Ephemerides augustinianum. Rome, 1989. 149 p.
- Orosius: Seven Books of History Against the Pagans / Ed. by A. T. Fear. Cambridge: Cambridge University Press., 2010. 456 p.
- Paul Orose. Histoires (Contre les Païens) / Ed. par M.-P. Arnaud-Lindet. 3 Vols. Paris: Belles Lettres, 1990–1991. 917 p.
- Podskalsky G. Byzantinische Reichschatologie: die Periodisierung der Weltgeschichte in den vier Grossreichen (Daniel 2 und 7) und dem tausendjährigen Friedensreiche (Apok. 20) / G. Podskalsky. München: Fink, 1972. 114 s.
- Polichetti A. Le 'Historiae' di Orosio e la tradizione imperiale nella 'Storiografia ecclesiastica' occidentale (311–417 d.C.). Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, 1999. 267 p.
- Redmond S.A. The Date of the Fourth Sibylline Oracle // Second Century: A Journal of Early Christian Studies. 1989–90. Vol. 7. No. 3. P. 129–149.
- Sulpice Severe. Chroniques / Ed. par Gh. de Senneville-Grave. P.: Editions du Cerf, 1999. 538 p.
- Swain J.W. The Theory of the Four Monarchies. Opposition History under the Roman Empire // CPh. 1940. Vol. 35. No. 1. P. 1–21;
- The Armenian History attributed to Sebeos / Translated with notes by R.W. Thomson. Historical commentary by J. Howard-Johnston and T. Greenwood. Liverpool: Liverpool Univ. Press, 1999. Vol. 1–2. (Series Translated Texts for Historians. Vol. 31). 362 p.
- The Book of Daniel. Ed. by A.S. Van der Woude. Louvain, 1993.
- Trieber C. Die Idee der vier Weltreiche // Hermes. 1892. Bd. 27. S. 321–344.
- Neumann, Iver B. Russia and the Idea of Europe: A Study of Identity and International Relations. London and New York: Routledge, 1996. 253 p.

Ващева Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории средневековых цивилизаций, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; vasheva@mail.ru

Mental geography of the early Middle Ages: the *Four monarchies* theory in the works of Christian authors of the V–VII cc.

The article deals with the problems of interpretation of spatial representations in the texts of Christian historians of the early Middle Ages. These ideas are often puzzling for the modern reader and are explained by the lack of scientific thinking. However, in the optics of mental geography, many of these “errors” or “oddities” look extremely attractive to researchers. Turning to the practice of interpreting the biblical Book of Daniel and the related concept of the four kingdoms, the author of the article tries to identify the features of the interpretation of this theory in the texts of Orosius, Khorenatsi and Sebeos, as well as to determine the degree of its demand in the works of Christian authors of the V–VII cc.

Keywords: mental geography, the theory of the Four Monarchies, Sulpicius Severus, Paulus Orosius, Moses Khorenatsi, Sebeos, historical thought of the Early Middle Ages

Irina Vashcheva, Dr. Sc. (History), Professor of the Department of History of Medieval Civilizations, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; vasheva@mail.ru